

ББК 63.5-417

А.Г. Селезнев

Конь и металл: экологические аспекты формирования лесных и таежных культур юга Сибири

Ключевые слова: культурный комплекс, лесные и таежные культуры юга Сибири, динлин-телеская племенная конфедерация, «лесные» народы Средневековья, коневодство и металлургия, присваивающие формы экономики, бома-алаты, дубо, байегу, курьканы, ранние монголы, экологические аспекты культуры, «конный лыжник» из Ростовки, сейминско-турбинский транскультурный феномен.

Key-words: cultural complex, Forest and Taiga Southern-Siberian cultures, Ding-ling – T'iehle tribes confederation, Middle Ages «Forest» peoples, horse-breeding and metallurgy, appropriating forms of economy, Bo-ma – Ala-at, Dubo, Bajegu, Kurykan, early Mongolians, ecological aspects of culture, the «horse skier» from Rostovka, sejma-turbino transcultural phenomenon.

В ряде работ нами была предпринята попытка обосновать выделение особого культурного комплекса, сформировавшегося в таежной зоне южной части Сибири в глубокой древности и просуществовавшего вплоть до этнографической современности. Суть выдвинутой идеи состоит в том, что группы, населявшие в древности и в относительно недалеком прошлом лесостепной, горнотаежный и южнотаежный пояса Сибири, несмотря на различие в происхождении и языковой принадлежности, обладали определенным культурно-историческим единством. При этом общие элементы их культуры неразрывно взаимосвязаны друг с другом и образуют цельный комплекс, устойчиво повторяющийся во времени и пространстве.

В I тыс. н.э. группы, составлявшие данный культурный ареал, входили в обширную динлин-телескую племенную конфедерацию. В этот период в составе конфедерации выделяется группа охотничьескотоводческих племен (бома, дубо, байегу, гулигань), весьма отличных по своим культурно-бытовым особенностям от типичных скотоводов-кочевников. Выражение «лесные народы» («агач эри», «урман кат», «нойин урянха»), условно принятое нами в качестве наименования всего культурного комплекса (ареала), впервые появляется в источниках монгольского времени (XIII–XVII вв.) [1–3].

Анализ письменных источников в корреляции с археологическими и этнографическими материалами позволил в общих чертах реконструировать основные признаки лесного южносибирского комплекса. Его экономическую основу составляли присваивающие формы хозяйства: охота на мясного и пушного зверя; собирательство, в том числе специализирующееся на сборе лекарственных трав; рыболовство. Эти виды хозяйства оригинально сочетались с коневодством,

призванным обеспечивать транспортные и пищевые потребности охотничьего хозяйства. Почти повсеместно среди «лесных» племен и народов развивалось земледелие, преимущественно мотыжное, но иногда (например у бома-алатов) и пашенное. На основе коневодства лесного типа, вероятно, происходило формирование саянского вьючно-верхового оленеводства, что знаменовало собой появление важнейшего центра доместики оленя. Существенное место в данном комплексе занимают металлургия и металлообработка, на ранней стадии – бронзолитейное, затем железоделательное производство. Экономика лесных племен Средневековья в определенной степени составила основу мощи и процветания центральноазиатских государственных объединений.

Таким образом, важнейшая тенденция культурогенеза на юге Сибири заключается в том, что лесные и таежные охотничье-собирательские и охотничьескотоводческие группы Саяно-Алтая, несмотря на внутренние различия, совокупно все же противостоят специализированному степному скотоводческо-кочевническому комплексу. Иными словами, различия между охотничье-собирательскими и охотничьескотоводческими группами качественно меньше, чем различия между этими группами вместе, с одной стороны, и кочевниками-степняками – с другой. Это позволяет рассматривать лесные и таежные культуры Саяно-Алтая в качестве единого комплекса, которому практически по всем параметрам противостоит комплекс культуры типичных скотоводов-кочевников. Если же к горно-таежному комплексу присоединить, как это сделала Э.Л. Львова [4, с. 96–105], равнинный таежный комплекс, то проблема формирования и развития лесных и таежных культур юга Сибири приобретает совершенно особое значение.

Эта тенденция уже неоднократно была отмечена специалистами, акцентировавшими внимание на комплексный характер культуры «лесных народов». В свое время Н.М. Ядринцев посвятил культуре горных лесных народов Саяно-Алтая специальную главу в книге «Сибирские инородцы». Исследователь подчеркивал, что культура лесных групп Саяно-Алтая отнюдь не примитивна, а, напротив, «...слишком своеобразна, чтобы пока подводить ее под тип скотоводов, звероловов или охотников... Мы видим среди этих кочевников занятия одновременно как скотоводством, так и охотой, рыболовством и земледелием, мало того, у них есть уже зачатки ремесел» [5, с. 112].

Теоретик номадизма Г.Е. Марков, исходя из тезиса о том, что основу существования кочевников всегда составляло экстенсивное скотоводство в условиях сезонных перекочевков, подчеркивал комплексный характер культуры части племен теле в VI–X вв., основанный на полуседлом (т.е. оседлом) охотничье-скотоводческом хозяйстве. Аналогично оценивается им и бытовой уклад «лесных» народов монгольской эпохи [6, с. 9, 42–43, 53]. Кратко, но очень содержательно характеризует бытовой уклад средневековых «лесных» народов Г.Н. Румянцев: «... "Лесные" племена занимались охотой и рыболовством. Они знали лошадь, которая служила им на охоте. Жилище... лесных звероловов – шалаши» [7, с. 52–54].

Такая постановка вопроса получила отражение в новейшем исследовании Д.Г. Савинова, посвященном экологическим и культурным аспектам развития раннесредневековых культур Центральной Азии и Южной Сибири. Автор, в частности, отмечает: «Безусловной заслугой А.Г. Селезнева является то, что он обратил особое, в ряде случаев детерминирующее внимание на развитие коневодства и железоделательное производство как наиболее показательные признаки реконструируемой им хозяйственно-культурной общности «лесных народов» Южной и Западной Сибири» [8, с. 48].

Ранние письменные источники в значительной степени отразили характер культуры лесных народов. Своеобразным эталоном «лесной» культуры южносибирского Средневековья является комплекс бома-алатов. В китайских источниках сообщается, что бома («пегие кони») – китайская калька тюркского выражения *ала-ат*) были расселены на север от туцзюэ (древних тюрков). Часть из них расселялась в горах, покрытых хвойным лесом. Алаты описываются как охотники и рыболовы: они «любят рыбную ловлю, промышленяют рыбу, оленя, выдру, соболя... Мясо идет в пищу, а их шкура на одежду». В то же время отмечено, что у алатов развито пашенное земледелие и коневодство, причем на лошадях «верхом не ездили... а пользовались молоком». Специально обращается внимание на использование алатами берестяной и керамической посуды. Выразительно описано жилище алатов: «...складывают деревья на манер колодезного сруба, делают берестяную крышу и используют под жильё». Отметив у бома большое количество лошадей пестрой масти, источники подчеркивают, что они не разводили ни быков, ни баранов, ни другого домашнего скота (см.: [8, с. 124–129; 9, с. 350; 10, с. 20; 11, с. 105; 12, с. 52–54].

Дополнительные сведения содержатся в арабско-персидской историографии монгольской эпохи. В источниках этого времени алаты выступают под именем ала, а страна их обитания носит название Алакчин [11, с. 103–122]. В источниках упоминается о том, что все кони алатов «пегие», а все инструменты и посуда из серебра [13, с. 102; 14, с. 40].

Сохранились довольно подробные сведения о дубо – одном из племен конфедерации теле, территорией расселения которого, вероятно, были Восточные Саяны [15–16]. Согласно хронике династии Тан, дубо не имели ни земледелия, ни скотоводства, потребляли сарану (приготовив из нее кашу), занимались охотой и рыболовством. Одежду изготовляли из собольего и оленьего меха и птичьих шкур. Основным средством передвижения были лыжи, отсюда название аймака, в который входили дубо, – «лыжные тугю». На похоронах дубо устраивали плач, а затем, положив покойного в гроб, выставляли его в горах либо подвешивали на деревьях. Чрезвычайно важным представляется то обстоятельство, что дубо, ведя присваивающие виды хозяйства, на свадьбах дарили друг другу лошадей. Прекрасными коневодами рисуются по летописям и другие группы «лыжных тугю» [8, с. 119–122; 9, с. 348, 354].

Вероятные потомки дубо – «лесные урянкаты» монгольской эпохи изображаются в летописях как типичные горно-таежные охотники. Основным транспортным средством для них служили лыжи «чанэ», которыми они пользовались великолепно. Кроме того, лесные урянкаты применяли временные нарты из связанных между собою лыж для транспортировки охотничьей поклажи. Жили «лесные урянкаты» в шалашах из коры и ветвей (чумах), употребляли березовый сок [13, с. 123–124].

Лесной комплекс, сочетающий в себе коневодство и развитую металлургию, четко выделяется в культуре курыкан (гулигань). На основании анализа разнообразных источников хозяйственно-культурный тип курыкан Д.Г. Савинов определяет как равнинный скотоводческо-охотничье-земледельческий с преобладанием специализированного коневодства [8, с. 113–117; 17, с. 137–171; 18, с. 58–85].

В Забайкалье черты лесной коневодческой культуры явно просматриваются в облике средневековых байегу (байырку). Согласно китайским источникам, последние были превосходными коневодами и металлургами, однако «страстно любили звериную ловлю; землепашеством мало занимались. Гонялись по льду на лыжах за оленями» [9, с. 343–344]. По Д.Г. Савинову, «... хозяйственно-культурный тип байегу (байырку) можно определить как горный охотничье-скотоводческий с преобладанием коневодства. И опять «рядом» упоминается «превосходное железо!» В этом отношении сведения о байегу перекликаются с курыканами» [8, с. 117–119].

Уже давно отмечено, что лесной компонент ярко представлен в культуре части раннемонгольских племен [19, с. 170–177, 20, с. 147–162; 21, с. 136–148]. Как известно из источников династии Тан (618–908 гг.), монголоязычные шивэй были оседлыми лесными охотниками и рыболовами, содержали придомно свиней и лошадей, жили в плетеных домах, крытых

шкурами. Одежду шили из шкур и кож. Аналогично и ранние монголы, расселенные в горно-таежной зоне на склонах Хингана, занимались преимущественно охотой, рыболовством и, в небольших размерах, коневодством. Из домашних животных известны лишь собаки, лошади и свиньи.

В этой ситуации часть монгольских племен начинает длительную миграцию в поисках новой родины. События эти датируются X–XII вв. Причину миграции объясняют поражением в войне с киданями. Дальнейшие события известны из записанных позднее исторических преданий монголов. На Аргуни (Эргуне-Кунь) они сделали большую остановку, благоприятные склоны Хингана позволили им размножиться, здесь же они освоили новое ремесло, свойственное всем лесным народам. В возвышенно-поэтической форме в преданиях рисуется, как монголы нашли месторождение железной руды, соорудили гигантский горн, а затем семьдесятю мехами стали раздувать огонь под дровами и углем до тех пор, пока горный склон не расплавился. В результате было добыто безмерное количество железа и открылся проход на простор степи [13, с. 154]. Таким образом, культура ранних монголов по основным своим компонентам была тождественна культурному комплексу средневековых «лесных» народов. Недавно Б.Б. Дашибалов обобщил эти проблемы в специальной работе, привлекая обширный и разноплановый историко-культурный материал [18].

Столь широкое и устойчивое распространение культур коневодов и металлургов при общей ориентации или, во всяком случае, сохранении существенного компонента присваивающей экономики, неизбежно порождает вопрос об истоках и происхождении данного комплекса. Этот вопрос, по всей видимости, связан с экологическими аспектами развития «лесных» культур.

Оригинальное сочетание охотничье-коневодческой модели хозяйства могло сформироваться под воздействием необходимости расширения опромышляемых охотничьих угодий. Как показали специальные исследования (см., например, [22, с. 49–53]), пеший охотничий промысел, господствовавший в зоне сибирских лесов в неолите, к началу эпохи бронзы перестал удовлетворять потребности растущего населения, что вызвало необходимость поиска оптимального для охотничьего хозяйства транспортного средства. Такое средство было найдено. В лесостепных и подтаежных регионах юга Сибири для целей охотничьего промысла незаменимой оказалась лошадь. Относительное редколесье, невысокий снежный покров и способность к тебеневке создавали оптимальные возможности для использования лошади на промысле.

В этот же период, а также, видимо, как реакция на упомянутый кризис архаического охотничьего хозяйства, происходит становление скотоводческой модели культуры в Центральной Азии. Этот

процесс в конечном итоге завершился формированием кочевническо-скотоводческого комплекса, классического центральноазиатского номадизма. Таким образом, процессы формирования и развития скотоводческо-кочевнического и лесного культурных комплексов порождены во многом одними и теми же причинами, шли параллельно, были взаимосвязаны и влияли друг на друга.

Начало этих грандиозных изменений относится, видимо, к эпохе бронзы, и ярчайшим и зримым символом этих процессов является одна из самых замечательных археологических находок – фигурка бронзового «конного лыжника», венчающая рукоятку ножа из могильника Ростовка (2 тыс. до н.э.). Обзор многочисленных интерпретаций этого сюжета, конечно, тема отдельной работы. На ростовкинскую композицию смотрят как на сцену охоты на дикую лошадь [23, с. 81–84]; иллюстрацию мифа об акте первоприручения дикого животного, игры со зверем, знаменующей это приручение [24, с. 50–53]; указание на лошадь как на тягловую силу, буксирующую лыжника [22; 25–27]; наконец, просто как на неразрешимую историческую загадку. Версию культурно-хозяйственного феномена, прямо отраженного в композиции ростовкинской скульптуры, последовательно отстаивает П.М. Кожин. Он констатирует распространение в эпоху бронзы, в том числе и в сейминско-турбинской среде, различных видов боевых колесниц и в то же время отсутствие каких-либо реальных данных о всадничестве в степной полосе до начала железного века. На этом культурно-историческом фоне ростовкинскому лыжнику отводится исключительно важное место. Автор усматривает в композиции еще одну альтернативную возможность древнейшего применения коня. Держась за постромки, лыжник передвигался как бы на буксире за быстро движущейся лошадей. Прямую аналогию позе ростовкинского лыжника П.М. Кожин видит в знаменитой фигурке из Галичского клада. Вопреки устоявшейся трактовке данного артефакта как танцующего идола или шамана во время камлания, он утверждает, что это изображение лыжника, мчащегося на постромке, а поза изображенного человека подобна позе саамов, едущих за оленем, или спортсменов на водных лыжах. Хотя автор был вынужден отметить, что для подобной практики у лошади должны быть подковы или аналогичные приспособления при движении по льду или твердому насту, саму возможность подобного использования лошади он считает вполне реальной, ссылаясь на культурный опыт Северной Америки, где волокуша предшествовала верховой езде [28, с. 246–248]. Самое главное в позиции П.М. Кожина – то, что он последовательно встраивает артефакт в общеисторический контекст. Для него нож из Ростовки – важнейший элемент яркого и самобытного сейминско-турбинского транскультурного феномена [29]. Здесь важно, что несколько экзотичное

для современного восприятия сочетание взнузданной лошади и лыжника органично включено в культуру воинов, коневодов и металлургов, характерную для данного явления.

Впрочем, в поисках аналогий можно было и не уходить за пределы Старого Света. Сравнительные материалы по описываемым способам буксировки свидетельствуют об их значительной древности. Следы былого существования подобного способа передвижения отразились в фольклоре нарымских хантов. На эту параллель впервые обратила внимание В.И. Мошинская, отметившая, что в приведенном рассказе фактически речь идет о пешем охотнике на лыжах, использующем лошадь, подобно тому, как он сам бы впрягся или впряг собаку в нарту для вывоза скарба и добычи. Исследователь видит в этом свидетельстве «отличную иллюстрацию» ростовкинской композиции [25, с. 38–39].

Вообще такой способ буксировки спорадически применялся в условиях относительного редколесья и неглубокого снега или наледи (наста). Например, нам удалось собрать соответствующий этнографический материал в Барабе. У барабинских татар данный способ буксировки применялся в двух разновидностях: когда в качестве буксирного средства использовались лыжи, груженные поклажей, и сам охотник-лыжник прицеплялся к лошади, используя ее в качестве буксировочного средства. Лошади использовались специально тренированные для подобного способа передвижения. Двигаясь таким образом, охотник добирался до угодья, а затем «отцеплялся» и дальше шел на лыжах самостоятельно.

Итак, можно предполагать, что истоки лесного комплекса юга Сибири уходят в эпоху бронзы, а его формирование связано с развитием культур коневодов и металлургов, ярко представленных, в частности, в рамках сейминско-турбинского транскультурного феномена. Коневодство лесных южносибирских групп носило подсобный охотничьему промыслу характер и служило главным образом для доставки охотника до угодья. Именно так использовался конь в эпоху Средневековья «лесными» народами, а в недавнем прошлом южнотаежными и горнотаежными охотниками Сибири. Такое коневодство подходило к природно-географическим условиям расселения лесных групп – лесостепь и разреженная низкогорная тайга. Относительное редколесье, невысокий

снежный покров и способность к тебеневке создавали оптимальные возможности для использования лошади на промысле. Коневодство развивалось в форме как прямого заимствования у соседей-степняков элементов верхового коневодства, так и совершенно оригинальных способов конной буксировки, в том числе и буксировки лыжника-охотника.

Полагаем, что учет фактора специфического лесного комплекса Южной Сибири придаст дополнительный импульс в решении давних, хорошо известных, однако так и не получивших удовлетворительного разрешения проблем сибирской этнографии.

Во-первых, удивительно высокий уровень распространения и развития производства железа и кузнечества, который был достигнут таежным населением Саяно-Алтая. Местная металлургия и кузнечество были неоднократно описаны в источниках XVII–XVIII вв., железными изделиями выплачивали ясак, эта же особенность культуры отражена в русской топо- и этнонимике с формантом «кузнец». Несоответствие столь яркого феномена с общим обликом культуры отмечалось практически всеми специалистами (см., например, [30, с. 101–105]), однако единый подход к решению проблемы так и не был выработан.

Во-вторых, загадочное присутствие в культуре и особенно эпосе тех же таежных групп Саяно-Алтая реалий, связанных с развитым скотоводством (в первую очередь – коневодством), что в целом не соответствует социально-культурному облику пеших таежных охотников. Эта проблема породила длительную полемику, обобщенную Д.А. Функом [31, с. 53–59; 32, с. 217–227], однако ее удовлетворительного решения так пока и не найдено.

В-третьих, коневодческий компонент, ярко представленный в культуре таежных охотников и рыболовов Северной Сибири, прежде всего обско-угорских групп. То, что этот компонент имеет южное происхождение, у специалистов сомнения не вызывает, но вопрос о том, с какой конкретно культурной группой юга его можно связать, остается дискуссионным (см., например, [33, с. 87–101]).

Разумеется, включение в обсуждение названных проблем фактора лесного южносибирского комплекса не снимает всех трудностей, но и игнорировать его влияние на культурогенез в Южной Сибири и сопредельных территориях без существенного искажения исторической перспективы не представляется возможным.

Библиографический список

1. Селезнев, А.Г. Барабинские татары: истоки этноса и культуры / А.Г. Селезнев. – Новосибирск, 1994.
2. Селезнев, А.Г. Особенности исторического развития лесостепных и южнотаежных культур Сибири (методологический и конкретно-исторический аспекты) / А.Г. Селезнев // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Новосибирск, 2003. – Т. 6.
3. Селезнев, А.Г. Мир таежных культур Сибири (традиционное хозяйство и сопутствующие компоненты жизнедеятельности) / А.Г. Селезнев, И.А. Селезнева, Е.А. Бельгибаев. – Омск, 2006.
4. Львова, Э.Л. Тюрки таежного Причулымья. Популяция и этнос / Э.Л. Львова. – Томск, 1991.
5. Ядринцев, Н.М. Сибирские инородцы, их быт и со-

временное положение / Н.М. Ядринцев. – СПб., 1891.

6. Марков, Г.Е. Кочевники Азии: структура хозяйства и общественной организации / Г.Е. Марков. – М., 1976.

7. Румянцев, Г.Н. Происхождение хоринских бурят / Г.Н. Румянцев. Улан-Удэ, 1962.

8. Савинов, Д.Г. Экология и культура раннесредневековых обществ Центральной Азии и Южной Сибири / Д.Г. Савинов, Г.В. Дружневская. – СПб., 2008.

9. Бичурин, Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена / Н.Я. Бичурин (Иакинф). – М.; Л., 1950. – Т. 1.

10. Гумилев, Л.Н. Динлинская проблема / Л.Н. Гумилев // Известия Всесоюзного геогр. об-ва. – 1959. – Т. 91. – Вып. 1.

11. Зуев, Ю.А. Из древнетюркской этнонимии по китайским источникам (бома, гуй, яньмо) / Ю.А. Зуев // Труды Ин-та истории, археологии и этнографии. – Т. 15. – Алма-Ата, 1962.

12. Кюнер, Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока / Н.В. Кюнер. – М., 1961.

13. Рашид-ад-Дин, Сборник летописей / Рашид-ад-Дин. Т. 1. Кн. 1. М.; Л., 1952.

14. Абуль-Гази, Родословное древо тюрков / Абуль-Гази. – Казань, 1914.

15. Вайнштейн, С.И. Происхождение саянских оленеводов (Проблема этногенеза тувинцев-тоджинцев и тофаларов) / С.И. Вайнштейн // Этногенез народов Севера. – М., 1980.

16. Вайнштейн, С.И. Этнический состав древнего населения Саян / С.И. Вайнштейн // Бронзовый и железный век Сибири. – Новосибирск, 1974.

17. Дашибалов, Б.Б. Археологические памятники курыкан и хори / Б.Б. Дашибалов. – Улан-Удэ, 1995.

18. Дашибалов, Б.Б. На монголо-тюркском пограничье (этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века) / Б.Б. Дашибалов. – Улан-Удэ, 2005.

19. Кызласов, Л.Р. Ранние монголы (к проблеме истоков средневековой культуры) / Л.Р. Кызласов // История и культура Востока Азии. – Т. 3. – Новосибирск, 1975.

20. Кызласов, Л.Р. Ранние монголы (к проблеме истоков средневековой культуры) / Л.Р. Кызласов // Кызласов Л.Р.

Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. – Красноярск, 1992.

21. Кычанов, Е.И. Монголы в VI – первой половине XII в. / Е.И. Кычанов // Дальний Восток и соседние территории в средние века. – Новосибирск, 1980.

22. Косарев, М.Ф. Западная Сибирь в древности / М.Ф. Косарев – М., 1984.

23. Кузнецов, П.Ф. Образы коня в бронзовом веке и еще одна интерпретация ростовкинской композиции / П.Ф. Кузнецов // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. – Барнаул, 2002.

24. Головнев, А.В. Бронзовый лыжник из Ростовки / А.В. Головнев // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск, 1998. – Ч. 1.

25. Мошинская, В.И. Некоторые данные о роли лошади в культуре населения Крайнего Севера Западной Сибири / В.И. Мошинская // История, археология и этнография Сибири. – Томск, 1979.

26. Кирюшин, Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири / Ю.Ф. Кирюшин. – Барнаул, 2002.

27. Авилова, Л.И. Древнейшая история дорог и транспорта по данным археологии // РусАрх, 2006 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rusarch.ru/avilova1.htm>

28. Кожин, П.М. Этнокультурные контакты населения Евразии в энеолите — раннем железном веке (палеокультурология и колесный транспорт) / П.М. Кожин. – Владивосток, 2007.

29. Черных, Е.Н. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен) / Е.Н. Черных, С.В. Кузьминых. – М., 1989.

30. Потапов, Л.П. Очерки по истории Шории / Л.П. Потапов. – М.; Л., 1936.

31. Функ, Д.А. Молочно-белые кони в героическом эпосе ... таежных охотников, рыболовов и собирателей / Д.А. Функ // Этнографическое обозрение. – 2003. – №3.

32. Функ, Д.А. Миры шаманов и сказителей: комплексное исследование телеутских и шорских материалов / Д.А. Функ. – М., 2005.

33. Федорова, Е.Г. Рыболовы и охотники бассейна Оби: проблемы формирования культуры хантов и манси / Е.Г. Федорова. – СПб., 2000.